

К У Р О К О Д И Л

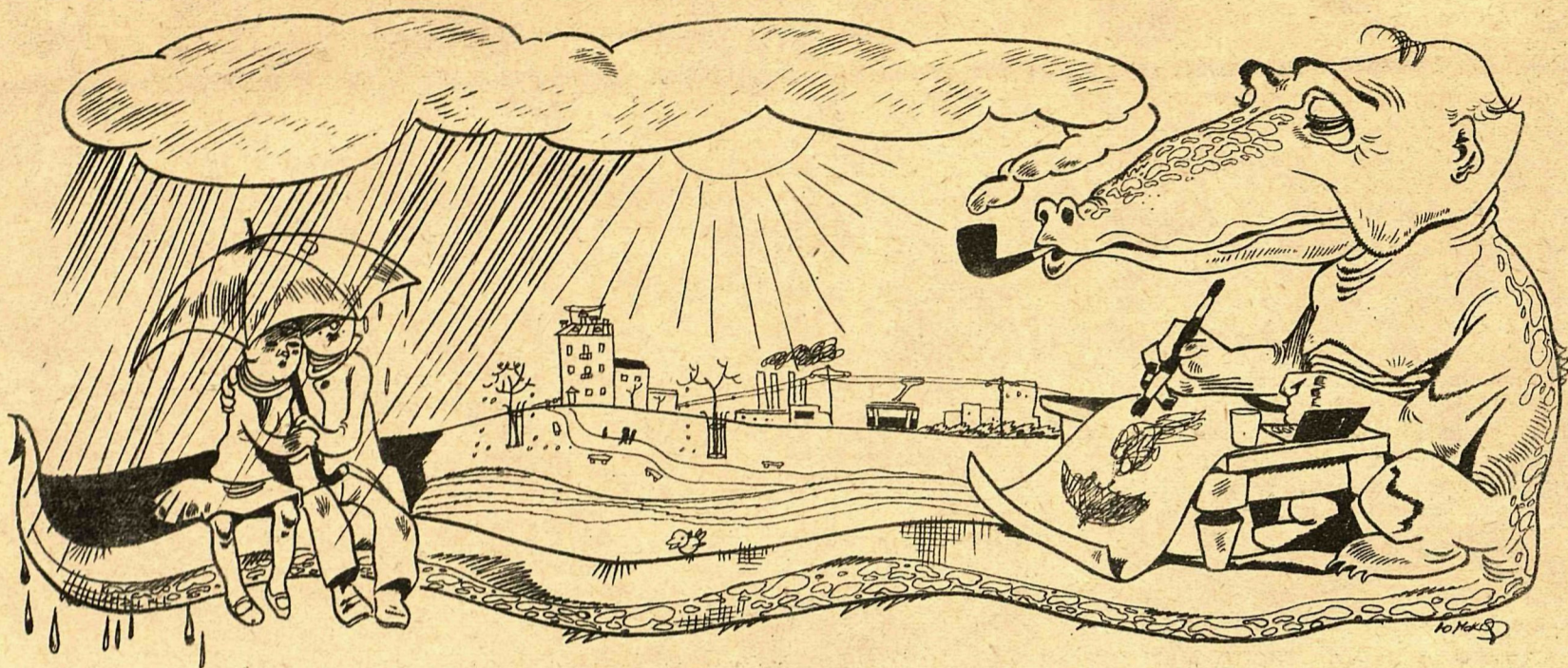
Рис. Л. М.

НА СЕДЬМОМ НЕБЕ

ЗАВОД

— Так приятно подыматься все выше и выше! И не заметишь, когда оторвешься...

СИЛЬНЕЕ ГОСПЛАНА

...А супруг мой, Семен Павлыч Мокрецов, действительно бросил пить. То ли слезы мои на него воздействовали, то ли просто в сознательность взошел, но только обыкновение свое прекратил начисто.

Конечно, друзья-приятели всячески пытались его усовестить:

— Как же, мол, так, Семен Павлыч? Госплан планирует душевую норму водки вдвое повысить, а ты совсем пить бросаешь! Нехорошо, Семен Павлыч, плановую работу срывать! Да и нас-то, друзей, на кого ж ты покинешь?

Но супруг мой, Семен Павлыч Мокрецов, уперся на своем очень твердо.

— Сказано, — говорит, — и крышка! Характер у меня, — говорит, — крепкий: моего характера никакой Госплан не перегоспланирует. От нынешнего, — говорит, — дня и на неопределенный отрезок времени а-ни маковой росинки в рот не возьму и даже запаху знать не буду!

И, действительно, смотрят люди, — день не пьет человек, и второй не вкушает, и третий всухомятку обходится, и не предвидится этому никакого конца.

Я, конечно, веселю именинницей хожу. А остальные тоже от такой его твердости стали приходить в умиление — и уже не отговаривают, а даже, наоборот, поощряют:

— Приятно, — говорят, — видеть столько силы воли в одном человеке! Но только, Семен Павлыч, напрасно ты все дома сидишь. Затокуешь от этого, защеми у тебя в грудях и опять ты сорвешься. А лучше б ты, — говорят, — в клуб бы начал ходить: культурное развлечение — оно, брат, оттягивает!..

Ну, что ж, — сердце не камень: пошел супруг мой, Семен Павлыч Мокрецов, в рабочий клуб. Однако возвращается оттуда в сердцах и мрачный. Я спрашиваю, как и что, а он отвечает:

— Заткнись ты, не раздражай! Такая скучища, что поневоле с нее запьешь. Хорошо, что характер у меня твердый, и никакими лекциями об алкоголизме его не сломишь, а то бы, ей-богу, хватил бы сегодня со скуки полдиковинки!..

Вижу я: дело плохо. Глядят и другие: дело выходит не важное. Подумали, посоветовались со мной и подали супругу моему, для укрепления твердости, новый совет:

— Вот что, — говорят, — в клуб ты тогда не ходи. Клуб — он, действительно, больше для молодежи или для кроткого старичка: ей-где ни шуметь, а ему-где ни дремать... Взрослому же человеку трудно как-то там приспособиться. А ты вот что, — ведь теперь ты своим воздержанием порядочно денег сэкономишь?..

— Ну, еще бы, — говорит, — ползаработка раньше пропивал...!

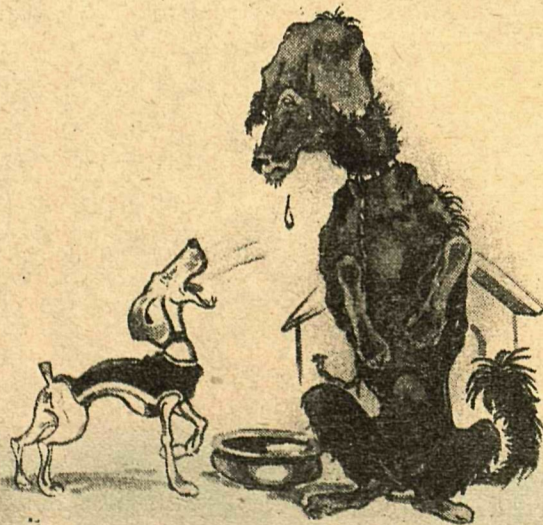
— Ну, так ты тогда вот что: купи ты себе в рассрочку громкоговорительную установку, и антенну к ней постановь. Будет у тебя культурное развлечение на дому, ходить никуда не надо, и свободный выбор передачи: которую кнопку повернешь, то станция тебе и запередает!

Этому совету супруг мой, Семен Павлыч Мокрецов, обрадовался и внял. Приобрели мы с ним установку в рассрочку, поставили антенну — и вечером сели слушать, как оно заговорит.

Вы думаете, может, что не заговорило оно?.. Заговорило!..

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

Рис. В. Фомичева (Свердловск)

— Ну, Барбос, что подделываешь?
— Учусь ходить на задних лапках...
— Ах ты, дурак отсталый! Теперь ведь самокритика! Учись лаять!

Послушали мы сначала радио-календарь: скучно, однако, и просто даже нехорошо... Повернули мы тогда кнопку: слышим, — лекция о хранении картофеля. На что б нам его хранить и где, — неизвестно, но послушали все-таки, а затем повернули кнопку: послушали лекцию о вреде алкоголизма. Конечно, нам она ни к чему, потому что супруг мой, Семен Павлыч Мокрецов, окончательно бросил пить, — но что ж уж поделаешь?..

На другой вечер — то же самое, но только вместо хранения картофеля — кормление коров, а вместо алкоголизма — сифилис.

А на третий — супруг мой, Семен Павлыч Мокрецов, достает спокойно из кармана бутылку и говорит:

— Характер у меня твердый, но против радиовещания и он не может сопротивляться. Придется выпить: возможно, что под водку оно легче пройдет...!

Тут не выдержала и я:
— Это что ж? — говорю. — Ты одурманишься, а я обязана трезвая радио-календарь воспринимать?.. Нет, наливай уж и мне!

С этих пор у нас и пошло. Пьем вдвоем каждый вечер. И не предвидится этому никакого конца.

Конечно, если б продать громкоговорилку, то можно б и вытрезвиться. Но продать ее невозможно, потому что за нее еще деньги не выплачены. А выключить и не слушать тоже нельзя: за что ж деньги-то плачены? Не эмпаны мы какие-нибудь, чтоб такими деньгами понапрасну швыряться!

Ну, значит, и пьем...
А ведь перед этим супруг мой, Семен Павлыч Мокрецов, действительно бросил пить, я же и отродясь вообще не пила.

Никита Крышкин.

ТЯЖЕЛЫЙ НЕДУГ

— Бедняжка Иван Иваныч. Мечется в жару, места себе не найдет.
— Где найти, если он на последнем-то месте все время с критикой выступал. Нигде он теперь не найдет себе места!

СО СТАРЫМ МЕТОДОМ

В школе № 4, в Твери, учительница Ковалева ввела для учеников «позорную скамью».
Загладить промах свой
Один лишь выход есть,
А именно: самой
На ту скамью присесть...!

Ар.

„ТЕСНЕЕ РЯДЫ!..“

— Живем мы все как кроты или личинки... — говорил на ходу словоохотливый мечтатель Серебрянский. — Вот и сейчас, отбыли мы оптом собрание и уже спешим по домам в свои гнезда, как личинки...

— У каждого свое! — возразил кургузый Журбенко, — сколько людей — столько идей. Идеи — не баранки. Их всех на одну веревочку не вденешь!

— Да, да, да! — отмахнулся Серебрянский, — вот уже и готова у тебя отговорка. И сам-то ты как крот; у себя в квартире радиофицировал даже кухонную посуду. Но радио, товарищ Журбенко, это лишь волны в эфире. Живешь-то ведь не в эфире, не в волнах, а среди людей — в море житейском. И с этим надо почитаться, товарищ Журбенко... Или вот — ты, товарищ Телегин. Все в рукописях сочиняешь из личной жизни? В воспоминаниях? А что такое личность в истории? Какая ее роль с нашей точки? Ага...

... Ну и ты тоже, Шушканов, науку-технику изучаешь. Изучай, изучай. Что ж, действительно, техника и наука, это действительно. Но разве ж и наука и техника не обойдутся без Шушканова? Обойдутся!.. И не в этом совсем дело, а в том, что люди не должны отделяться. Вот и ты тоже, товарищ Егоров... Теснее ряды, теснее!.. И к этому я, товарищи, имею предложение...

— Знаем, знаем! Предложишь с собрания прямо в клуб «Трудовой Отдых». А в клубе — всем по секциям, по изам, по музам. Нет, спасибо, слаб соблазн!

— Отнюдь! И не в клуб. И не в пивную тоже. Соберемтесь, друзья, запросто у меня. С женами, по-семейному. И в ближайшее же воскресенье. А для под'ема можно еще пригласить двух родственников жены. Занимательные. Один до упаду Зоценку рассказывает. Другой фокусник наглядный. В крайнем случае, ты, Телегин, изложишь свою бывшую жизнь. В стихе. Ну, споем еще «Из-за острова на стрежень», закрепим, так сказать, союз... и... теснее ряды!

— В складчину? — озабоченно спросил Шушканов.

— Для почина — расход мой. Закуска. Утоление. Все в порядке!..

— Есть! — сказали приглашенные.

И в воскресный день, под сумерки, собрались гости в квартире Серебрянского. Говорили о погоде, масле, сокращениях и шумно сажались за стол.

— Егоров, пожалуй, и здесь за сверхурочные засядет! — пошутил гость Телегин.

Хозяин Серебрянский подхватил:

— Э, чего там... в жизни живем мы только раз. Без сверхурочных. Теснее ряды. Сомкнутым строем — вперед. Прошу, закусывайте!

— Рыбка пить хочет!

— А ты ей красненького!

— Ты мне нашу рассейскую подай...

Разошлись «сомкнутые ряды» по домам, когда уже ослепли на улицах фонари.

И настал похмельный понедельник. А с ним пришли воскресные итоги.

Со скрежетом зубным вспоминала Журбенку жена Телегина.

— Розовое платье портвейн № 10 залил. Что им делается? Пушай его толстомяса сама в очередях постоит, — тогда узнает, как портвейнами по платьям обливаются...

Шушканов кистил заочно Телегина:

— Конечно, все люди — братья. Есть которые и товарищи, но если я своей жене за-

конный муж, то чужих мужьев безусловно просят не беспокоиться. Я те облаплю!

Журбенко издали на улице увидел Серебрянского и торопливо перешел дорогу:

— С пьяных глаз приглашал к себе... как же, жди! Нужны мне гости! — бормотал про себя Журбенко.

... И однажды на общем собрании «сверхурочный» Егоров подмигнул Серебрянскому:

— Теснее ряды, говоришь? Сомкнутым строем? Ась?

Мечтатель Серебрянский отвернулся.

Л. Митницкий.

К О Н Ф У З

Случилось как-то: на Тверской с тоской

За булками москвич толпился густо.

А в рабкоопе было пусто,

И продавцы твердили всем в ответ:

— Ни хлеба черного, ни булок нет.

А тут же, у дверей, торговка

Пристроилась с корзиной ловко

И сколько булок донести смогла —

Все мигом продала.

И вкривь и вкось идут повсюду толки,

Зачем и почему в коопках пусты полки?

А потребительский союз

Все так же с транспортом медлителен,

неловок

И терпит даже... от торговки

Конфуз.

Николай Каменский.

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ

На Прокопьевском руднике (Сибирь) собрано 8.000 руб. на постройку молельни.

На Уршельском стеклозаводе (Гусь-Хрустальный) под руководством церковного совета собираются пожертвования на постройку церкви.

Рис. В. Гина

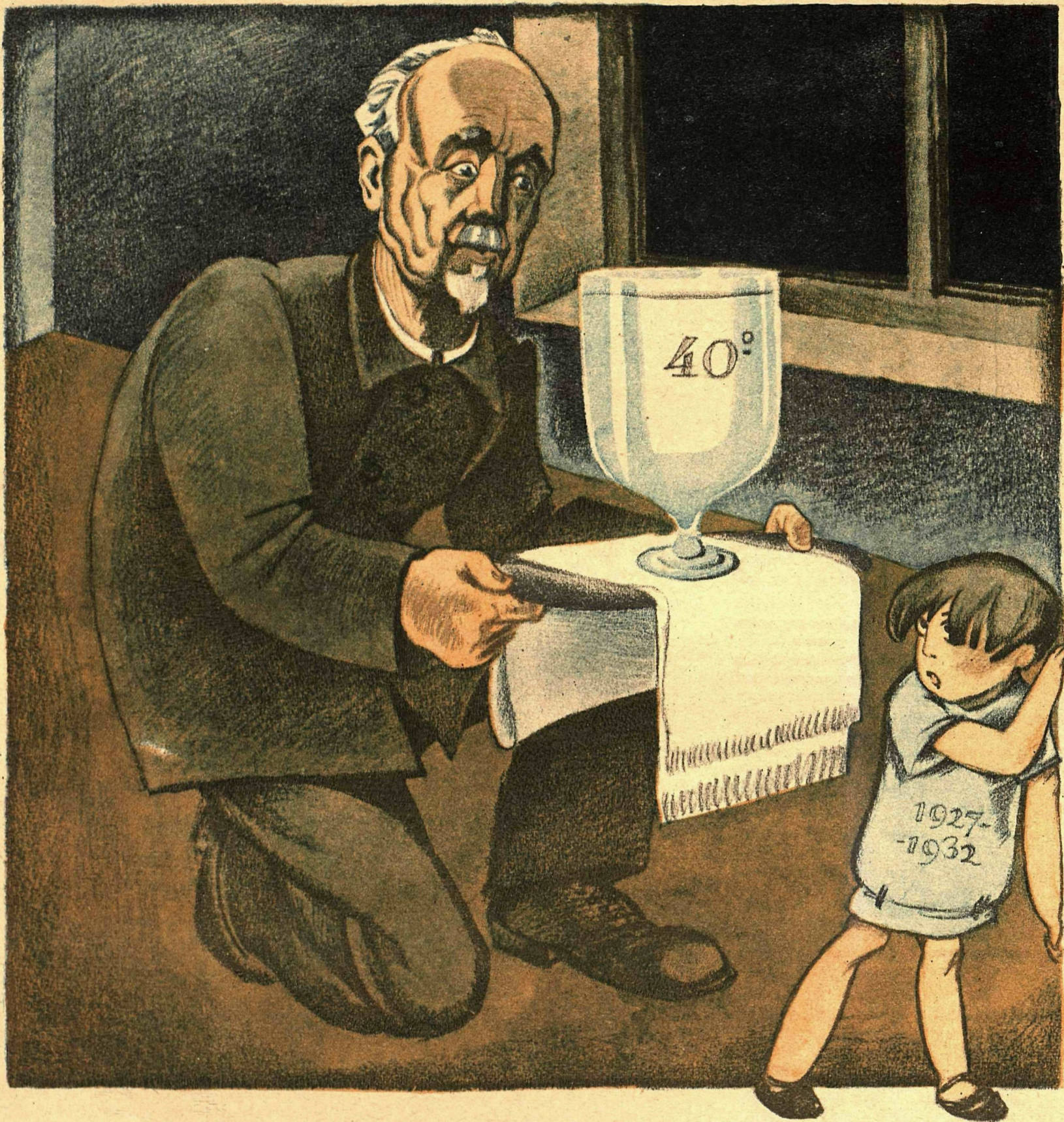
НЕПОНЯТЛИВЫЙ ИНОСТРАНЕЦ

— Я вас просил показать мне самую большую достопримечательность, а вы привели меня к какой-то церкви.

— А как же! Ведь она выстроена при советской власти и на средства рабочих.

Рис. К. Елисева

По контрольной пятилетке Госплана СССР производство водки растет на 116 процентов.

ГОСПЛАН: — Пей, моя деточка, пей, пятилеточка, пей!

ПРИРОДА И ЛЮДИ *)

ЗАКОННЫЙ ВОПРОС

— В Краснококшайске есть двенадцать пивных и магазин Госспирта. Зато нет ни одного клуба и ни одной бани.

— Скажите, а контрольная комиссия там есть?

НАСИЛИЕ НАД СОВЕСТЬЮ

— Как вы хотите, чтобы я... кхе... голосовал за избрание Бухарина академиком, когда... кхе... ему еще нет... кхе... восьмидесяти лет! Он же мальчишка!

*) Отдел этот похож на главу учреждения: появляется нарядка и доступен для немногих.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ НИКОГДА

— Почему вы так резко осудили автора этой повести?

— Потому что убедились, что до сих пор мы ведем и его «На той стороне».

ПАХНЕТ СПОРОМ

— Смотри — к редакции «Известий» приехал ассенизационный обоз. К чему он это?

— Спорят там двое критиков о Бакунии. Не хватило аргументов...

ИЗВЕЩЕНИЕ

Доводится до сведения всех наших читателей и почитателей, что со следующего номера начнется печатанием головотяпская эпопея:

КАК СТРОИЛИ ГОРОД ЧИМБАЙ,
или
РЕЙТАВ ВЕСЕЛИТСЯ.

Эпопея будет состоять из трех похождения, — столь же кратких, сколь ослепительных, — и кончится скверно.

«КРОКОДИЛ».

Б Е З З А Г Л А В И Я

Чуть поверней направьте глаз вы,
Суньте невидящий глаз в очки—
И сразу увидите—здесь вот язвы,
А там—пустяковые язвочки.
Я по язвам давно тоскую,
По специальности язвы ищю
И вот набрел, наконец, на такую
Необычайную язвину.
Целая область попалась. Ну, разве
Можно молчать об этакой язве?

Областной городок—городишко,
Прямо надо сказать,—из чудных.
Свиньи, грязь, хулиганы-мальчишки
И 12 (двенадцать!) пивных!

Целый город—сплошная пивная,
Всюду с вывесок смотрится рак
И плетется больная, хмельная
Жизнь—среди выпивок, грязи и драк.

В городке—ни единого клуба.
Церкви дарствуют—ладан и воск...
Только радости—высадить зубы,
Только счастья—нарваться в лоск.

Бывший пристав сидит в исполкоме,
А в парткоме—инспектором—поп,
Околодочный,—этакый комик,—
По знакомству попал в агитгрупп.

В общем много веселых моментов,—
Бывший лавочник—стал „от станка“.
Красота! Чуть не двадцать процентов
Коммунистов—попали в Ка-Ка.

И смеются:—„Попали—и баста!
Что Ка-Ка? Там ребята свои!
Пусть-ка руку подымут на нас-то—
Чай, мы сами сидим в Эр-Ка-И...“

—„Без грехов—нет на свете мужчины...
Вместе пили,—не тронешь рукой.
Прокутили мы в день годовщины
Больше тысячи с этой Ка-Кой!..“

От партийцев ни в чем не отстали
Беспартийные массы. Все—пьют.
Городское хозяйство—в развале,
Взятки, склоки... Разбой, уют...

Люди грязны внутри и снаружи,—
Бани в городе нет ни одной,

Вместо улиц—вонючие лужи,
Липкий пляж—для породы свиной.

Можно сразу сказать по открытке—
Край большими лесами богат.
От лесного хозяйства—убытки,—
Миллионы сожрал аппарат!

Старых, царских службистов орава
Тут и там—и живет и крадет.
И больной не найдет Наркомздрава
И безграмотный—школ не найдет.

Все похоже на пьесу смешную
(В пьесах—это, конечно, смешно!..)
Выдвиженку—послали в пивную.
Выдвиженца—кассиром в кино!

Водевиль! Да и то уж не много ль
Слишком сильных, „надуманных“ штук...
Не решился бы даже сам Гоголь
В пьесе дать „выдвиженческий трюк“.

Где же столько невылазной стари?
Это шарж? Это ложь? Нет,—увы!—
В этих строчках увидели вы

Область Мари.

Вас. Лебедев-Кумач.

ЛУЧШЕ НАСТОЯЩЕГО

Пять лет сидел Имя Отчествович Кислодумов председателем завкома. За это время успел сделать самым открытым человеком на заводе, — без него никто торжественных собраний не открывал. За это время правая рука у него сделалась немножко длиннее левой, по случаю лазания этой руки в ящик стола за отчетным цифражем. В пять лет он успел хорошо познакомиться с директором, отметившим его большую заслугу в борьбе с заводским бюрократизмом. Он никогда не говорил рабочему: «Товарищ, приходите завтра», а всегда: «Товарищ, почему вы не приходили вчера?». Одно время он даже совмещал должность председателя коопкружка, где до него было пятнадцать членов с гаком, причем как — это те, что приходили в коопкружок на турецкую пасху. Здесь он боролся не за количество членов, а за их качество и улучшил качество на 100 проц. К концу в кружке остался один с гаком.

И вот однажды, когда за окном печалилась голубонебая блондинка Осень, наступили новые перевыборы завкома. Пришла директива из губотдела—оживить состав нового завкома. Кислодумов сделал последний отчет, грустно посмотрел, как подняло собрание две тысячи рук — две тысячи семафоров, показывающих, что путь предзавкома открыт, — не его путь, а нового преда, Трифонова. И как ревностный служака, не стал противиться воле губотдельского начальства. Остался простым профсмертным...

После перевыборов Кислодумов пошел к директору. Говорил с ним долго. И результат разговора появился вскоре в виде короткого заводоуправленческого приказа:

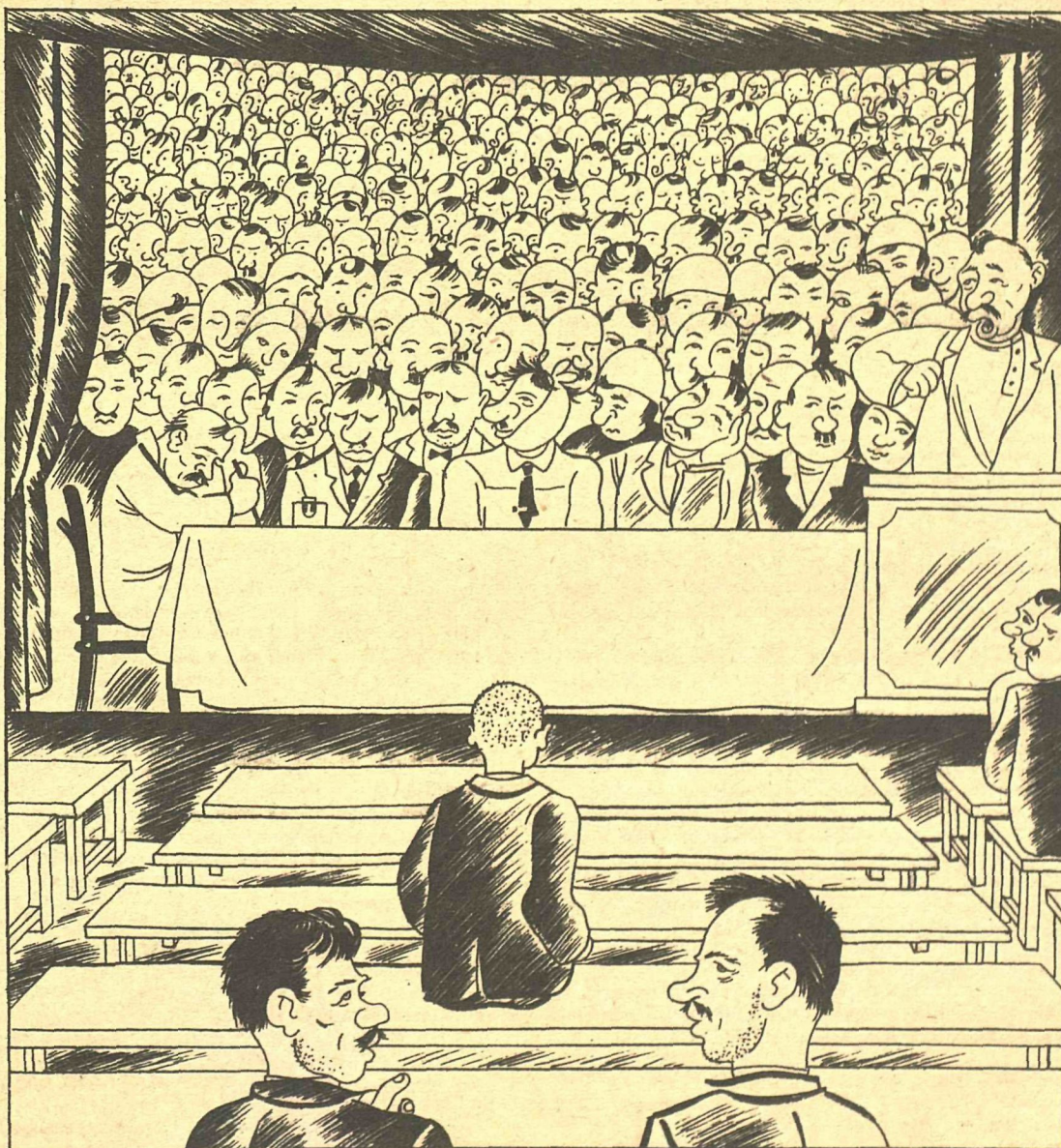
— Тов. Кислодумова назначить завом общего отдела заводоуправления.

С такого-то числа Кислодумов аккуратно явился к столу новой службы, осмотрел помещение, нашел, что в углу слишком много навалено дел, не помещающихся в шкафу, и написал на стене над грудой дел: «Прошу убрать эту бумагу, которая валяется». Затем сел, про-

верил качество чернил, выписал из хозотдела два плаката: «Кончил дело — уходи» и «Рукопожатия отменяются» и портрет товарища Калининна, который повесил посредине кабинетных лозунгов. Затем велел принести чаю и стал ждать посетителей.

ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО

Рис. Е. Самсоновой

— Батюшки, что это с собранием случилось?
— А это всех в президиум выбрали, чтобы не разбежались.

Общий отдел назывался в близком кругу заводоуправления отделом борьбы с бузотерами: туда посылали всех, кого отчаялись победить обыкновенным бюрократизмом.

Вскоре к новому заву пришел за чем-то премьер-бузотер завода Сажин, покамест в рабкорстве не замеченный, но на собраниях бузачий.

Он хотел пожать новому заву руку, но тот погрозил пальцем и указал на «Рукопожатия отменяются».

— Вот, Имя Отчество, к вам послали, три недели хожу, никто добавочную доплату, утвержденную РКК, за заливку подшивников уплатить не может...

Кислодумов взял наряд.

— Когда притти за ответом? Завтра?

— Нет, товарищ Сажин, — я этот вопрос подработаю. А вы, чтоб не отрываться от работы, подайте в письменном виде заявление из вашего цеха... Через недельку зайдите. Я очень занят.

Сажин хотел еще сказать, но Кислодумов указал ему на второй плакат и сказал:

— Кончил дело — убирайся...

Из-за двери хихикнули две тени—директор и кто-то второй. Директор пробурчал:

— Здорово Кислодумов работает, лучше настоящего зава.

Второй усмехнулся:

— Еще бы, он в завкоме предом пять лет сидел... Научился всем заковыркам!

Павел Черников.

Рис. П. Белянина

— Глядите, мы еще первого этажа не вывели, а там уже готов пятиэтажный дом...
— Это он, наверно, не в плановом порядке.

Л Ю Д И П О Р Я Д К А

Недавно товарищу Переперченко нужно было получать свою пенсию в бердянской сберкассе.

— Кто куда, а я в сберкассе! — сказал Переперченко и пошел в вышеуказанное учреждение.

В вышеуказанном учреждении — благоустройство, плакаты, безумный порядок, вообще красота. Сморкаются в урны.

Особенно усовершенствованы там сберегательные сотрудники, а больше всех кассир. Прямо лорд Кешенден.

— Ах, гражданин, как приятно, — сказал кассир. — Желаете свою пенсию получить? Это можно, гражданин. Ежели документы в порядке. Не откажите показать. Документы превосходные. Но где же справка о том, что вы изволите состоять в живых?

Переперченко улыбнулся.

— Неужели и так незаметно, что я в живности?

— Ах, гражданин! Мы замечать без удостоверения не можем. Эдак каждый будет приходиться и говорить, что он живой. Порядок требует справки.

— Но я же определенно живой! Я не только разговаривать, но спеть могу, — и Переперченко запел басом: — „Пушай могила меня накажет“... — Теперь-то верите?

— Вы можете целый оркестр с собой привести, но без справки все равно недействительно. Подите, гражданин, удостоверьтесь.

Всякий другой гражданин, приученный к порядку, пошел бы и интеллигентно удостоверился. Но мелкосознательный Переперченко зазлбил и грубо впал в демагогию.

— Это что же такое? — вскричал он. — Это же волокита! Это прямо бюрократизм.

И, можете себе представить, стукнул кулаком по барьеру. В сберкассе-то!

Кассир грустно улыбнулся. Он привык к головотяпству.

— Ах, гражданин, вы можете стучать кулаком до окончания служебных занятий, но это не оправдательный документ.

— Как же так? — развел руками Переперченко. — Я не могу стучать до окончания служебных занятий. Я человек нетрудоспособный. На пенсию не очень-то расстучишься. Неужели придется удостоверяться?

— Факт!

Что же вы думаете? Пришлось Переперченко итти удостоверяться.

В райсобесе сразу спросили:

— Небось, сперва ходили кулаком стучать?

— Ходил...

— Так и есть! Что за несознательный народ! Раз идешь в нашу сберкассе, — удостоверяться с ног до головы. Мы для нее и справки напечатали на машине. Вот они, пожалте!

Райсобесный сотрудник показал Переперченко готовый бланк:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Бердянский райсобес удостоверяет, что пенсионер гражд.
действительно живой,
что подписями и печатью удостоверяется.

Инструктор райсобеса
Секретарь

— А мне дадите такую справку? — недоверчиво спросил Переперченко.

— Сколько угодно!

— А почему вы знаете, что я живой?

— Нас не касается, наше дело выдавать справки по первому требованию. У нас свой порядок, а в сберкассе — другой...

Всякий иной мужчина, получив справку, пошел бы на радостях в пивную, но Переперченко был тверд. „Кто куда, а я в сберкассе!“ — решил он и направился в вышеуказанное учреждение.

В сберкассе в это время какой-то горячий инвалид бил кулаком по барьеру, а другой кричал: „Побил — дай побить и другому!“ Переперченко тихо дождался своей очереди и подал удостоверение.

— Ну, вот теперь другое дело! — сказал кассир. — Теперь я вижу, что вы в полном здравии. А то — стучать по барьеру. Привыкли к расхлябанности! В следующий месяц приходите прямо с новым удостоверением.

— Само собой. Теперь понимаю...

— Вот это приятно. Ознакомьтесь, значит, с порядком.

Кассиру в самом деле было приятно. Каждый чувствует себя хорошо, когда поможет человеку встать на ноги.

Это чувство благодного умиления кассир сохранил до самого конца служебных занятий. Когда он пришел домой, в свое упорядоченное теплое гнездышко, то в передней к нему подбежал любимый сынок Миша и сунул в руку бумажку.

— На, папа, читай скорее!

— Зачем же скорее? — сказал кассир. Скорее — это беспорядок! — он неторопливо достал очки и внимательно стал читать бумажку. В бумажке говорилось, что „дано сие сыну моему Михаилу в том, что он действительно есть сын Михаил“ и т. д..

— Не просрочено? — спросил кассир, строго глядя на Мишу поверх очков.

— Нет, папка, нет! Целуй скорей.

— Ну, здравствуй, Миша, — и отец поцеловал своего упорядоченного сына.

Миша аккуратно сложил свое удостоверение личности. Он прекрасно знал, что без этой драгоценной бумажки он для папы недействителен.

Таков усовершенствованный кассир бердянской сберкассе, где недавно получал свою пенсию тов. Переперченко. Таковы там усовершенствованные порядки.

Б. Самсонов.

ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА

Рис. М. Черемных

— Пусть бухгалтерия состряпает там какую-нибудь хреновину: что прогулы растут, заказов нет, положение завода тяжелое, — ну, сам знаешь...

— Знаю, знаю... Не первый раз к колдоговору готовиться.

ЕЩЕ ЛИТЕРАТОР

Великая русская литература внезапно обогатилась новым роскошным именем. На ряду с Тургеневым, Гоголем, Толстым и Малашкиным заблистала звезда Аполлона Умова. Он объявился в газете «Красная Керчь». В № 233 этой газеты мы с душевным волнением прочитали такое объявление:

КЛУБ ВОДНИКОВ

В субботу 6-го октября
Литератор АПОЛЛОН УМОВ
ПРОЧТЕТ ЛЕКЦИЮ НА ТЕМУ:

Строение тела, характер и выражение ощущений или определение характера и переживаний по лицу и телу.

По новейшим наукам, по рефлексологии, психологии и искусству, по Павлову, Бехтерову, Дарвину, Кречмеру, Лазурскому и др., играя несколько ролей, как - то: Гамлет, Юлий Цезарь, Шекспир, Брандт, Ибсен и др. и объясняя классификацию личностей, эмоций и страстей и пр. культуру и выбор соответствующей пары — мужчиной — жены и женщиной мужа, профессии и регулирования труда.

Боже! Какое роскошное великолепие! «Классификация личностей, эмоций, страстей и прочей культуры».

Мы не знаем, как чудесный Аполлон Умов справился с классификацией личностей в Керчи, но относительно его самого можно смело сказать, что он — личность безусловно малограмотная.

Вероятно это обстоятельство и прельстило правление клуба. «Парень, мол, нашинский, — пушай прочтнет!».

МАНДАТ НА ЭКСПЛОАТАЦИЮ

Предобмestкомa союза нарпит в городе Ижевске, Азиатцева, выдала такую справку:

Настоящая справка выдана гр. Вавиловой в том, что действительно Иютина Анна (домработница) просила в присутствии обл. МК профсоюза Нарпит Вавилову взять ее хотя бы только пропитаться, на что Вавилова дала согласие, с условием, что в случае ее поступления на работу она только тогда сможет Иютиной оплачивать с того месяца, когда поступит на работу, что заверяется.

Одобренная такой справочкой от профсоюза, домашняя хозяйка Вавилова начала эксплуатировать Иютину на все 150 процентов.

Дело дошло до побоев и оскорблений, а теперь и до суда.

По слухам, судья не знает, что делать.

С одной стороны, как будто Кодекс законов о труде пока еще не отменен, а с другой — областной профсоюз выдал Вавиловой официальный мандат на право эксплуатации Иютиной.

Положение, действительно, бамбуковое!..

1. НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ

Карась любит, чтобы его в сметане жарили, стерлядь уважает белое вино, севрюга больше к вертелу тянется, а селедка — все равно. Она как угодно пойдет. Лишь бы Азрыба во-время приняла меры, приготовила транспорт и обратила внимание.

Азрыба обратила. У Азрыбы с селедкой такая дружба, что не только севрюге, а и людям завидно. Азрыба и селедка — это все равно, что мать и дитя.

Есть еще настоящая любовь на свете!

2. СОСТЯЗАНИЕ МОРЕЙ

— Товарищи! — сказал зав, сосредоточенно поправляя свои роговые очки, — нам надо обратить внимание на селедку. Приближается время. Мы должны подготовиться. Особенно нас занимает вопрос о барже для перевозки. Где достать баржу?

— Можно купить в Баку, — подсказал какой-то конторский недосок. — Каспар распродает старые баржи.

— Это отпадает, — перебил зав, снова поправляя очки. — Вопрос стоит в другой плоскости: где лучше купить баржу: на Балтийском море или на Черном?

— Во Владивостоке тоже можно! — некстати вставил тот же недосок.

— Это отпадает, — слегка повысив голос, авторитетно сказал зав — Балтийское море или Черное? Вот вопрос, который сейчас роковым образом стоит перед нами. Я высказываюсь за Балтийское. Кто против? Нет никого? Будем считать вопрос разрешенным.

3. УДАЧНАЯ ПОКУПКА

Человек, командированный Азрыбой в Ленинград, долго ходил вдоль берега Невы и добросовестно присматривался ко всем судам, которые могли бы пригодиться для перевозки селедки. Таких судов оказалось много. Особенно понравился человеку один пароход, большой, вместительный и хорошо оборудованный. Купить его, однако, не удалось по той причине, что он, носящий громкое название «Кап-Полония», принадлежал, как выяснилось, американской компании.

Человек долго ходил и долго присматривался. Но только на пятый день ему улыбнулась удача. Только на пятый день ему посчастли-

ПОБЕДА НА КУЛЬТФРОНТЕ

Уже прошло немало времени с тех пор, как была объявлена культурная революция. Однако меры не везде принимаются. Нет еще сдвига, нет! И только у тверских профработничков сдвиг налицо, о чем очень даже свободно можно узнать из § 22 докладной записки секретаря губотдела пищевиков:

В части культурной работы,— пишет он, — с момента обследования ЦК нашего союза никакого сдвига в сторону улучшения не имеется, за исключением того, что сгорел единственный клуб союза пищевиков.

Тоже достижение в клубной работе! Как говорится, пожар способствовал ей много к украшенью!

Не от стыда ли за секретаря сгорел несчастный клуб?

ПРОМЕТЕЙ И КОРШУН

Изд-во «Прометей» выпустило в десяти тысячах экз. карманный справочник, где о Кабардино-Балкарской области сообщается, что население в ней занимается виноделием и садоводством, развитая нефтяная промышленность, и главный город Нальчик является одним из крупнейших нефтяных центров.

Автор, кажется, спутал Болгарию с Мексикой. Нефтяная цистерна, это правда, в Нальчике одна есть. Садов тоже много. Но кабардинцы пахнут землю, а балкарцы разводят скот. Автор же и нефть и вино придумал.

Нехорошо, Прометей, не знать Кавказа. Ты же был там прикован, и коршун терзал твою печень... Теперь он терзает твою кассу, получая гонорар чорт знает за что.

НАСЧЕТ АВТОРИТЕТА

Как вам понравится, товарищи, такой документик:

Контора инженера
военно-строительного отдела
Управ. Снабж. Сиб. В. О.

Командиру Н-ского полка.

г. Верхнеудинск.
1/VIII 1928 г.
№ 219.

За вами числится в настоящее время задолженность по квартплате в сумме 12 копеек.

... Не желая возбуждать дело в судебном порядке и в то же время ронять достоинство и авторитет ваш, как командира РККА, канцелярия по заведыванию зданиями имеет надежду, что числящаяся за вами задолженность будет погашена в течение августа. В крайнем случае канцелярия будет вынуждена передать дело в суд для взыскания с вас со всеми издержками, которые будут отнесены за ваш счет.

С товариществом

Участковый инженер КАРПЕНКО.

Вот что значит настоящий идейный работник!.. Карпенко так заботится об авторитете красных командиров, что о своем собственном авторитете совсем забыл.

Так он его и потерял, увлекшись своими повестками...

вилось. Только на пятый день ему удалось купить очень изящную, очень славную, очень хорошо сохранившуюся министерскую яхту.

Какому министру принадлежала яхта, сказать трудно. Может быть, Протопопову, может быть, Сухомлинову. Дело не в этом. Министерская яхта каким-то образом сумела, пройдя через революцию, гражданскую войну и разруху, сохранить полностью внутри свою плюшевую обивку и все позолоченные украшения. Это важно. И еще важно то, что купить яхту удалось всего-то за сорок тысяч рублей.

Бывают же иногда удачные покупки!

4. ВОСТОРГ И УПОЕНИЕ

Прибытие яхты в Астрахань, куда она была доставлена по Мариинской системе, вызвало всеобщий восторг. Жители Астрахани, скромные и добродушные, оценили этот акт, как знак исключительного уважения к ним. Они высыпали на пристань, аплодировали, приветствовали и произносили речи.

— Интересно знать, — любопытствовали люди, — как путешествует сама Азрыба, если селедка у нее раз'езжает в министерской яхте?

— Очень хорошо, должно быть, путешествует! Неизвестно только, куда она пристанет!

Вопрос этот, некстати затронутый нетактичными астраханцами, на дальнейший ход событий никакого влияния не имел.

5. ПОСЛЕ ТОРЖЕСТВА

Когда астраханцы ушли, человек, стоявший на палубе, спустился, велел перевести министерскую яхту в док и вызвал понимающих людей.

— Надо, — сказал человек, немного смущаясь, — приспособить это судно для селедки.

— Приспособить можно, — ответили понимающие люди. — Надо будет сорвать плюшевую обивку, изъять позолоченные украшения, выкинуть скамейки...

— Вот именно, — подтвердил человек. — Это самое.

— Тысяч, пожалуй, до тридцати обойдется.

— Это ничего! Только бы сделать!

Сторговались. Понимающие люди захватили молотки и приступили к работе.

Ал. Яковлев.

НА ХОРОШЕЙ ДОРОГЕ

(К 30-летию Художественного театра)

Рис. К. Ротова

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — СТАНИСЛАВСКОМУ: — Надо нам, Константин Сергеевич, присматривать... Как бы Турбины не загнали наш Бронепоезд в Утиловск.

МЫСЛИ В СЛУХ

Гражданина, злостно не выполняющего своей нормы потребления спиртных напитков по пятилетке Госплана, нельзя все же назвать противником индустриализации.

★ Живописцы любят реорганизации не меньше, чем заведующие, потому что реорганизации всегда начинаются с перекармливания вывесок.

★ Чтобы сделать население культурным, мало вывесить плакаты: „Простят не плевать“ и „Соблюдайте чистоту“. Нужно раньше научить граждан эти плакаты прочесть.

Тормоза Казанцева лучше зарубежных. Жаль, что в области изобретений у нас все благополучно именно с тормозами.

★ Ликвидировать гнойники нужно очень осторожно. Иначе может получиться заражение крови.

★ Администраторы находят, что РКИ сильно напоминает зубную боль. Она тоже всегда появляется в самое неподходящее время.

„ТАЧКИ СКОРОЙ ПОМОЩИ“

Медпомощь в Луганском округе из рук вон плоха. Перевозочных средств нет. Тяжело больных возят в больницу на тачках вручную.

Чтоб уничтожить все болячки
И зло порядков бестолковых,
Полезно б «вывезти на тачке»
Кого-нибудь и из здоровых...

Ипа.

Аргус.

ВИЛЫ В БОК

КУЛЬТУРНЫЙ МОРДОБОЙ

В городе Спас-Клепике, Рязанской губ., происходили на-днях серьезные события.

Собрались граждане. Смотрят. Стенка на стенку прет.

— Не иначе хлебозаготовители подрались.

— А почему их так много? Никакие это не хлебозаготовители...

— А по-вашему, это кто? Ежели просто хулиганы дерутся, то почему народ собрался? Ничего, выходит выдающего нет. Обычное явление уездного масштаба.

Только, когда начали парней на носилках с поля вытаскивать, выяснили граждане, что это, оказывается, футбольное состязание происходило между железнодорожными командами станции Спас-Клепиково и станции Тульская, М.-К. жел. дор.

Никак этих отсталых граждан не научишь отличать некультурную драку от культурного спорта.

ДОДУМАЛИСЬ...

Наши газеты жалуются, что прохвываемые администраторы сплошь и рядом не обращают никакого внимания на заметки.

На Госзаводе № 24 им. Фрунзе такой несознательности отнюдь не наблюдается. Не успела появиться в «Рабочей Газете» заметка о том, что в вечерних сменах на заводе нет медпомощи, как администрация сразу приняла необходимые меры...

Для того, чтобы вечерней смене не было обидно, теперь отменена медпомощь и в утренней смене.

Так решительно борются некоторые мудрые администраторы с отмеченными в газете несправедливостями.

ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО

— Дети — наше будущее! — услышал краем уха Вольский горсовет.

— Очень приятно! — сказал он, — значит заботу о них можно отложить до будущего года. А то у нас с настоящими никак не разберешься. Сотрудникам квартир нехватает. Настоящим, а не будущим. Выселить детский дом.

И выселили! Наравне с пивными!

А жаль! Пригодился бы детский дом горсовету. Мало ли что может случиться! В детство можно, например, впасть. Бывает, знаете ли, бывает...

„СТРОЖАЙШАЯ ЭКОНОМИЯ“

(Ф-ка „Красный Восток“ Ряз. губ.)

— Нам необходима строжайшая экономия! — сказал директор на производственном совещании.

— Необходима строжайшая экономия! — поднял палец управдел.

— Строжайшая экономия! — глухо отозвался бухгалтер.

— Экономия, — эхом прозвучал голос помбуха.

Затем посыпались предложения: сократить курьера, покупать кнопки помельче. Особенно понравились кнопки. Бухгалтер взял счета и застучал костяшками.

— В месяц — 50 р., в год — 600. За 10 лет — 6.000. За 100 — целых 60.000!

— Ура! Ура!

— Можно еще, — выступил рабочий из дальнего угла, — сэкономить на казенных квартирах для начальства! От них ежегодно 12.000 убытка!

— Шш, шш... — зашипели со всех сторон. — Это не по существу! Отклонить!

Предложение о квартирах отвергается.

— Хватит и кнопок! И это не легкая победа!

Порешили на кнопках...

БЮРОКРАТИЗМ

Бюрократизм и волокита—есть две язвы на теле трудящихся. Пока она на теле—ничего, но ежели она наглет и беспокоит даже высоких по своему положению лиц,—это уже плохо, это уже не язва, а гнойник!

На нашей фабрике «Единство», в Чувашской АССР, эта язва—бюрократизм—как-будто и гнезда себе не вила, однако же прикинулась к самому директору фабрики товарищу Курочкину, и до того его изволокитила, измучила, что хуже некуда. Поверите ли, сам директор, а терпел мучения с апреля по август включительно и только благодаря своей прозорливости от мук избавился.

Дело такое: товарищу Курочкину по его директорским соображениям понадобился кабинет при квартире. А где его взять, этот кабинет, когда взять его негде? Сообразил наш дорогой товарищ Курочкин довольно быстро: рядом проживал счетовод фабрики Краснитская. Зачем, спрашивается, счетоводу комната, да еще рядом с директорской?! Чтобы мораль пошла, да?! Между же прочим, из этой счетоводьей комнаты превосходнейший кабинетик вышел бы!

Тут и пошла волокита, тут и развелся бюрократизм. Уж, кажется, чего проще для директора фабрики, как вытряхнуть счетовода из комнаты, — да разве с нашими бюрократами что-нибудь сразу сделаешь?!

Приказал переехать счетоводу, — счетовод упирается! Ну, конечно, приказом уволил товарищ Курочкин счетовода за неисполнение распоряжений. А волокита тут как тут подстораживает, — РКК отменила! Конечно, уж где комиссия впуталась, — добра не жди!

И пошло, поехало. Три комиссии собралось, адмотдел впутался, прокурор вмешался. Директор наш, товарищ Курочкин, через адмотдел выселяет, а эта сутяга Краснитская—прокурору обжаловала. Курочкин весь Урмарский райисполком на ноги поставил, а сутяга наша — опять к прокурору.

Пять месяцев вольничалась Краснитская—и против нее никакая сила. Так бы, чего доброго, и остался директор наш Курочкин без рабочего кабинета, не подвернись случай подходящий, — комиссия по размещению демобилизованного состава заработала и прислала на фабрику товарища Данилова, демобилизованного командира. За него товарищ Курочкин прямо двумя руками ухватился:

БОРЬБА С ХВОСТАМИ

Говорят, что у знаменитой кометы Галлея большой хвост.

Но это не хвост, а жалкий огрызок в сравнении с хвостом, который тащится за зав московской конторой Белпайторга.

Не успел он приехать из Минска в Москву, как потянулись за ним приятели. Приехал зав пивным складом и даже... агент для поручений.

Все они получили под'емные, а теперь Белпайторг срочно ремонтирует для них квартиры.

Вообще мы с хвостами безусловно боремся, но ежели за кометой хвост волочится, то это нам не жалко. Пожалуйста. Даже наоборот... Красивое получается культурно-просветительное зрелище для широких масс, и притом совершенно бесплатно.

А вот белпайторговские хвосты не доставляют массам ни малейшего наслаждения.

Такие хвосты, граждане, нужно безжалостно отрубать.

В роде как фокстерьерские.

БЕЗ КОЗЫРЕЙ

С большой нагрузкой работает фабком кинешемской фабрики «Демьян Бедный». Каждый день НАГРУЖАЮТСЯ председатель тов. Баканин и зав красным уголком Николаев.

Баканин, кроме вышивки, занимается еще игрой в карты на деньги около рабочей казармы. Никакой другой работы фабком не ведет.

Только теперь всем рабочим ясно, что фабком ПРОШЕЛ ВТЕМНУЮ и настало время его ПЕРЕТАСОВАТЬ.

ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ

Необозримые орды совслужащих изо дня в день измышляют какой-нибудь материалец для сверхурочной обработки и переливания из пустого в порожнее. Фантазия, подгоняемая страхом сокращения, работает неугасимо. Анкеты, ведомости, регистрационные карточки и прочие учетные злодейства изобретаются ежедневно миллионами!

Елецкий отдел местного хозяйства додумался даже до учета того, что будет в 1929 году. Он требует по округу сообщить ему, сколько будет в 1928—29 г.:

пожаров,
канализационной жидкости в кубических метрах на 1 жителя,
мусора в килограммах на 1 жителя.

«Крокодил» больше всего сомневается насчет мусора. Трудно ответить о количестве мусора в округе. Все будет зависеть от того, сколько местхоз будет выпускать анкет!

ЦЫГАНСКИЕ МОТИВЫ

Сапожники, как известно, всегда ходят без сапог.

Это, конечно, их частное дело...

Гораздо хуже, когда некоторые учреждения начинают им подражать.

Главное управление сберкассами рискует, например, остаться без сбережений. Шутка ли, каждый год оно переезжает из одного помещения в другое. Находилось оно сначала на Старой площади Потом, в целях рационализации, переехало на Ильинку. Затем, в целях экономии, переехало в Охотный ряд. Потом, в целях удобства, переехало в Настасьинский переулок... Теперь, неизвестно уже в каких целях, ищут опять срочно новое помещение.

Совсем как у Пушкина:

«Цыгане шумною толпой по Бессарабии кочуют»...

Во-первых, что подобает цыганам, которые весьма неприхотливы и живут в шатрах, весьма зазорно для управления сберкассами, которому нужен целый наново отремонтированный дом с кабинетами для завоу и помзавов.

А, во-вторых, даже цыган переводят нонче на оседлый образ жизни.

Покочевали и будя!..

— Дорогой мой, мы же вас только и ждали! Нам же счетоводы нужны!

— Да я ведь счетовод-то никоторый!—сконфузился товарищ Данилов.

— Ну, что за пустяки, подумаешь! При ваших способностях...

Покрутил товарищ Данилов головой, однако—делать нечего,—комиссия направила.

Тут наш дорогой товарищ Курочкин—приказ: «увольняется счетовод Краснитская, как на ее место прислан демобилизованный командир».

— С богом,—катитесь!

И, конечно, как чуждый для фабрики элемент, вытряхается из комнаты, каковая идет под директорский рабочий кабинет.

Пять месяцев мучился директор наш Курочкин, пять месяцев его сутяга Краснитская вольничала, а тут, наконец, избавился.

Как товарищ Данилов работает, спрашивается?! Да его же уволили! Какой он к псу счетовод?! Две недели продержали, объявили не выдержавшим испытания, и уволили. Вот и все! Тут уж без волокиты.

В. П.

Приехали в рабочее общежитие. Один рабочий пристал:
— Вот вы, товарищи, культурный поход устраиваете. Заглянули на сейсмографическую станцию. И за что им только там жалованье платят. Третьего дня они в газете сообщали, что «станцией обнаружено грандиозное землетрясение, очаг которого находится где-то у берегов Южной Америки». А промежду прочим все сочинили, черти. Никаких Южных Америк. Просто, как раз в это время у нас семейная вечеринка была. Скандальчик небольшой съехал, как полагается, с драчкой. Потолок в нижней квартире и провалился. Бещи, конечно, сверху слегка попадали. А станция рядом. Ну, понятно, стрелочка шевельнулась... А они сразу для учености насчет Южной Америки загибают...

★

Заходили в Диркомбинат. В порядке, мол, культурного похода к вам. Как у вас насчет...

Даже договорить не дали.

— Извиняемся,—говорят,—у нас календарный план имеется. Вот 16-го у нас самокритика кончается, тогда пожалуйста. До 21-го можем культурную революцию провести. А сразу две кампании никак нельзя, тем более, что мы на этой неделе еще в ударном порядке внеочередные похороны проводили...

★

Сунулись еще в детский дом. Пошли, конечно, в самый неблагоустроенный. Дети грязные, всюду пыль, в углах кучи мусора.

— Это почему у вас такие порядки?

— Очень даже,—говорят,—странный вопрос. Когда к нам из района ревизия приезжает, всегда заранее предупреждают. Тогда и детей помыть можно и дом убрать. А если так, с бухты барахты, как снег на голову, каждый день комиссии начнут являться, так еще до того дело дойдет, что ежедневно детей мыть придется и пыль вытирать. Благодарю покорно...

★

Объявили мы в порядке культурного похода учет паразитов. Клопов и тараканов разных. Нужно ведь учесть, как мы вперед движемся в борьбе с этим наследием гнилого прошлого. А без статистических данных какой же отчет выйдет? Неизвестно ведь на сколько процентов паразиты ликвидированы...

Несознательные граждане упираются:

— Ничего,—говорят,—не знаем, клопы у нас не ворованные, собственные, своей трудовой кровью вскормленные. И ни на какой учет мы своих домашних насекомых ставить не позволим. Нет такого декрета, чтобы клопов национализировать. Нам не то что клопов жалко, но мы принципиально допустить не можем.

Ну, что с такими гражданами сделаешь?.. В Ленинграде, там дело другое. Читал я в «Вечерней Красной», что там всех крыс сосчитали. Полтора миллиона оказалось. А мы, вот, у себя даже учет клопов, и то поставить не можем. Некультурность... А какая же, согласитесь сами, борьба без точного учета достижений?..

И. Амский.

Пишут, пишут...

Ну, как же не острить на тему о том, что люди, ведающие калошами, легко садятся в калошу?

Долго думали в Ленинграде, на заводе «Красный Треугольник», как бы позакковырстее загнать 1.550 пар калош, заказанных для Марьянской потреббилки, Терского округа. Как бы сделать, чтобы потомство запечатлело на скрижалях выдающийся калошный путь? И додумались: отправили водой! Дешево и надежно. Вниз по матушке, по Волге...

15 августа были отгружены калоши.

А 15 октября, через 60 суток, когда писались эти печальные строки, калошный флот еще не прибыл. Гордо развевая флаги, плыл он где-то в волжских просторах, и дух Стеньки Разина реял над ним, размахивая фактурой «Красного Треугольника».

Заводы умеют не только блистательно засыпать. Они умеют и требовать.

1-й гос. медный завод в Кольчугине сообщил тресту свои потребности на материалы. Скажем, сурик — вещь пустяковая. Заводу нужно его на год 37.000 тонн. Но заводским ребятам совестно марасть руки такой мелочью. Они засучивают рукава и требуют сурику 310.000 тонн. Вот это об'ем! Можно выкрасить всю Владимирскую губернию, да еще пол-Московской в придачу. Дорого стоит? Чуть и ерунда! На чем-нибудь с'экономим. Например, на миткале. Нам его надо на год, самое малое, 1.200.000 метров?.. А мы возьмем, да потребуем всего 370.000. Так и потребовали. Почему? Это неизвестно. Потому что авось, и вообще.

Пишут!!

Кой-кому надоело писать; они устроили резиновый штемпель и шлепают, внимательно следя по часам, как бы, боже упаси, не пересидеть на службе пять минут лишних!

Люди в Туруханске мечтают с'сраться звериную полярную жизнь. Их запросы скромные:

они хотели бы иметь радиоприемник. Он принес бы в Туруханск культурную революцию.

Все ли читатели представляют себе, что это за чортова дыра — Туруханск? От Москвы до Красноярска — 4.000 километров, а там еще по Енисею — 1.500. Сообщение — три раза в год. И Турухансоюз, выписывая из Москвы у Госшвеймашины радио-аппаратуру, в августе слезно просил: прислать ее в Красноярск к 5 сентября, к последнему пароходу...

13 сентября получился ответ Госшвеймашины. Это была открытка, со шлепнутым на обороте резиновым штемпелем без числа:

Иногородние заказы к исполнению в Москве НЕ ПРИНИМАЮТСЯ. Со всеми справками и запросами обращайтесь в депо (Иркутск).

В случае отсутствия в данном депо требующихся Вам радиоизделий, сообщите нам письмом, и мы вышлем их в депо по мере возможности.

РАДИО-КИНО-СЕКЦИЯ.

Под этой резиновой белибердой равнодушно провел карандашиком какой-то канцелярист: Сашин или Собакин.

Не стоит спорить с Госшвеймашиной насчет системы, изложенной в штемпеле. Господь с ней. Но вот попробуйте доказать ей, что людям, имеющим сообщение с миром три раза в год, надо сделать исключение из правила; что только ради издевательства можно ответить им резиновым штампом! Вы думаете, докажете? Как бы не так. Она пришлет опровержение на бумаге с бланком.

Однако переписка бывает не только за пять тысяч километров. Бывает она и хуже.

В Костроме есть Промкомбинат. Там была получена из Союзхлеба бумага с поправками к каким-то прежним расчетам. И тогда начались резолюции.

— Спасибо, родной, за книжку... Только... неграмотные мы.

Коммерческий директор Булкин пишет коммерческому корреспонденту Соколову:

Вьяснить, как и кто договаривался о цене. 6. IX. В. Булкин.

Коммерческий Соколов пишет коммерческому Булкину:

Договаривался о перечислении (замене) муки И. Ф. Баранов, но о цене он не договаривался. По заявлению Баранова переговоры велись до 15 августа, т. е. до момента установления новых цен на Черную муку, и только благодаря тому, что формальное бухгалтерское перечисление было произведено позднее, торг. отд. была дана бухгалтерии существующая цена на муку, которую бухгалтерия и поставила Союзхлебу. 7. IX. Н. Соколов.

И снова пишет Булкин Соколову:

Запросить губторгдел, по каким ценам возможно и законно произвести расчет. 7. IX. В. Булкин.

И опять пишет Соколов.

В бухгалтерию. Губторготдел запрошен. 7. IX. Н. Соколов.

И в самом деле, пора запросить. А то уже из-под резолюций не стало видно бумаги...

Эх, братья-читатели, самого главного-то мы еще и не сказали. Ведь Булкин с Соколовым в одной комнате сидят. Столы ведь у них — в притык друг против дружки.

— Чего ж им вздумалось два дня переписываться резолюциями, если все дело можно было обговорить в двух словах?

А кто их знает... Осень на дворе, мухи все передохли и нечем людям заниматься; стали переписываться...

Скорее бы опять лето... Пусть лучше мухи, чем резолюции.

Межин.

36

36521

29/x

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НЕУТРАДНАЯ
1 ОНОВА. 1928
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

ЧУДЕН ДНЕПР...

«Стоимость Днепровской гидроэлектростанции значительно
превысит наши первоначальные предположения».
(Из интервью тов. Рыкова).

Рис. Д. Мельникова

— Странная река... Весной выходит из берегов, осенью — из сметы...